

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ КАК НАУЧНО-ФИЛОСОФСКАЯ МЕТАФОРА

Метафора — одно из средств выразительности речи, которое представляет собой скрытое сравнение, — способна задавать реальность, т. к. «язык может выходить за свои пределы и утверждать бытие» [8, 356]. Метафора протекает на трех взаимосвязанных уровнях: языковом, семантическом, когнитивном. Помещенная в широкий познавательный процесс, она обеспечивает получение нового знания. «Рассматриваемые изнутри, метафоры функционируют как когнитивные процессы, с помощью которых мы углубляем наши представления о мире и создаем новые гипотезы. Рассматриваемые извне, метафоры функционируют в качестве посредников между человеческим разумом и культурой» [5, 360].

Метафора это своеобразный посредник между субъектом и миром, средство совмещения возможного и реального уровней деятельности [2]. Создатель метафор — «это мастер с даром слова, который из выражения не пригодного для буквальной интерпретации, создает высказывание, значимое с точки зрения новой интерпретации, которая вполне заслуживает название метафорической, поскольку порождает метафору не только как нечто отклоняющееся от нормы, но и как нечто приемлемое» [7, 419]. Поскольку значение метафор расплывчато, каждый участник социальной коммуникации субъект придает ей свое собственное значение. Вследствие этого метафоры предоставляют неограниченные возможности для формирования и трансформации реальности. Созданные ими «пустые пространства» есть те бифуркационные точки, где рождаются или вводятся новые смыслы и практики. «Сквозные» метафоры, пронизывая все уровни реальности, утверждают, легитимируют определенные социокультурные, политические, научные и прочие реалии. Иначе говоря, через оценивание, через приписывание новых смыслов фактам и явлениям происходит социокультурное проектирование и конструирование. Мышление, повседневный опыт и поведение людей «в значительной степени обуславливаются метафорой» [4, 387], а «фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [4, 404]. «Фундаментальные» (М. Фуко) [8], или «корневые» (С. Пеппер) [9], или «ориентационные» (Дж. Лакофф и М. Джонсон) [4], или «базисные» (Э. Маккормак) [5] метафоры не только создают условия для осмысления некоего феномена, но и организуют целую систему понятий, т. е. выступают в качестве «гипотетического допущения, представляющего собой основу той или иной теории, научной дисциплины» [5, 383], метафизической концепции и т. п. «Мировой финансовый кризис», как и кризис культуры, могут рассматриваться в качестве таких фундаментальных для науки метафор, позволяющих определенным образом структурировать для познания и понимания социальную реальность.

Содержание понятия «кризис культуры» зависит от смысла, вкладываемого в понятие культуры. Существующие метафоры культурного кризиса можно разделить на три группы.

К первой из них относятся циклические, волновые и эволюционные модели социокультурной динамики. В них кризис представляется необходимым этапом в развёртывании культуры. Так, например, ряд культурфилософских концепций связывают возникновение кризисных явлений с распадом («старением») определенного типа культуры в связи с исчерпанием её внутреннего потенциала. Культура в этом случае теряет свою самобытность и превращается в «этнографический материал» (Н. Я. Данилевский). В качестве причины кризиса называется неспособность элиты дать эффективный ответ на «Вызов Среды», поскольку из меньшинства творческого переродилась в правящее меньшинство (А. Тойнби). В период кризиса культура становится цивилизацией, так как утрачивается интимная связь личности с «душой культуры», культуросозидание оборачивается благоустройством среды обитания, а творчество заменяется механическим воспроизведением (О. Шпенглер). Возникновение культур, их кризис и смерть может связываться с выбросами энергии, вызванными солнечной активностью (Л. Н. Гумилёв). Кризисные явления в культуре могут быть вызваны переходом от одного типа ценностей к другому (П. Сорокин). Пока система ценностей определённого типа культуры молода, общество следует ей с энтузиазмом. Когда же из-за своей потенциальной неполноты «суперсистема» исчерпывает себя, она теряет свое влияние и начинает разлагаться. Период кризиса культуры сопровождается усилением напряженности в обществе, неустойчивостью социальных институтов, активным интересом общества к трансцендентным началам, «богоискательством» и т. п. Зачастую происходит отождествление культурного и социального кризиса. В этом случае кризис — ситуация общественной нестабильности, когда по причинам различного характера наблюдается повышенный уровень социальной мобильности. Для таких периодов характерны интенсивные процессы переоценки ценностей, падение и конструирование доминантной аксиологической системы, «экзистенциальный вакуум» и пр.

В фрейдистских и неофрейдистских концепциях кризис представляется как момент усиления бессознательных элементов в общественной жизни (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм, Г. Маркузе и др.). В трактовке Й. Хейзинги кризисной считается культура, в которой присутствует пуэрилизм — неестественные игровые мотивы.

Культурным кризисом считается также переход от множественности культур (локальных цивилизаций) к единой мировой культуре. «Освоее время» — первый духовный кризис человечества такого рода — время активного переосмысления человеком оснований своего существования (К. Ясперс). Ковариантная концепция описывает кризис как отказ от плюралистического типа культуры в пользу единого, обеспечивающегося тремя великими религиями и философией.

Такие трактовки культурного кризиса соотносятся со складывающимся ещё в эпоху Просвещения пониманием культурно-исторического процесса как смены и сосуществования множества культур, которые в своём развитии проходят один и тот же цикл развития от рождения до смерти. В этом случае, действительно,

кризис необходимый этап культурной эволюции. В данных представлениях о культуре усматриваются отголоски философии Г. Ф. В. Гегеля. Не смотря на все попытки западно-европейской философии преодолеть гегелевский панлогизм, в циклических, волновых и эволюционных теориях развёртыванию культуры приписывается некий высший смысл (рациональный, иррациональный, сверхрациональный). В соответствии с аристотелевской научной парадигмой он остаётся недоступным для понимания человека, и весь культурно-исторический процесс приобретает имперсоналистический характер. Во всех указанных концепциях культурного кризиса неявно присутствует представление о том, что кризисность — преодолеваемое состояние культуры. Постмодернистические тенденции в культуре при таких подходах могут быть поняты как ситуация осознания, выработки стратегии и тактики поведения человека в условиях кризисной, подвижной, нестабильной культуры [6].

Вторую группу метафор, отражающих смыслы культурного кризиса, создают структуралистические и постструктуралистические концепции, которые рассматривают культуру как совокупность знаков, механизм их производства, сохранения и функционирования (Ю. М. Лотман и др.). В этих трактовках кризис представляется своеобразным «сбоем» в механизме чтения культурного текста. Он может возникнуть при утрате культурного кода (К. Леви-Стросс), тогда мир знаков начинает самостоятельное существование, приобретает автономию (Ж. Бодрийар), в результате чего человек не способен понять мир, в котором живёт и теряет способность к самоидентификации и общению (И. Хасан и др.). Ситуация культурного кризиса характеризуется падением «метанарративов» — культурного стержня (Ж. Ф. Лиотар), размыванием бинарных оппозиций (Л. Фидлер), отказом от «логоцентризма» (Ж. Деррида) и пр. В условиях ризомности (Ж. Делёз, Ф. Гваттари) и деконструктивизма человека приходится создавать личностную систему ценностей для «ежедневного пользования» из «подручного» материала, поэтому замечается всплеск интереса к материальным смыслам и традициям (Л. Е. Бляхер). Т. о., культурный кризис может рассматриваться как период активного поиска трансцендентных начал бытия в имманентном. Отправной точкой для понимания такого рода культурфилософских концепций должно стать отмеченное М. Хайдеггером кантовское удвоение мира, при котором к реальному миру прибавляется второй — мир знаков, символов, ценностей и т. п. Именно в этом, сотворённом человеком мире и происходит «сбой», вызывающий ощущение кризиса у самого его творца.

Проблема кризиса культуры переходит, по существу, в другую плоскость: следует говорить не о том, что культура переживает кризисы, а том, что исследование, рефлексия культуры предполагает наличие кризиса, потому что только в этих условиях появляется возможность что-либо рассмотреть в сфере культурной реальности, в противном случае, культура неотличима от бытия. Такое понимание кризиса и будет составлять третью группу его метафор. В этом случае культурология становится возможной только как кризисная наука, поскольку человек внутри культуры не способен отразить себя в своём культурном движении, а если становится способен, то утрачивает интимную связь с культурным лоном. «Таково пространство встречи культуры и культурологии. В нём гибнет либо куль-

туролог, сделавший культуру объектом своей мысли и, стало быть, поставивший себя вне культуры, а значит — отказавшийся в принципе от форм мышления, предоставленных ему культурой; либо — культура, если она не выполняет своего предназначения формировать базисные основания мышления» [1, 9].

Итак, интерес к проблеме культурного кризиса возможно инициирован методологическими проблемами социогуманитарного знания, которое так и не нашло адекватного способа познания многогранного и динамичного феномена культуры. Абсолютизация движения, попытки «схватить» сущности в их изменчивости закончились провалом: бытие предстало как нескончаемый поток бестелесных пустых оболочек — симулякров. Преодолеть методологический кризис философии культуры, отмеченным ещё Э. Гуссерлем и М. Хайдеггером, попытался Г. Зиммель, пришедший к выводу о том что «культура — это постоянно сдерживаемый кризис» [3, 493]. Следовательно, освоение культуры человеком, её «изобретение» (В. С. Библер) им предполагает непрерывное сотворение личностью смыслов (Р. Барт, В. В. Налимов и др.) и насыщение ценностей собственными значениями (М. М. Бахтин, А. Камю и др.). В этом случае синергетический подход оказывается наиболее предпочтительными при понимании культуры как явления, поскольку в нем кризисность из преходящего момента культурной эволюции перерастает в сущностную черту культуры.

1. Бляхер Е. Д. Вне и внутри, или три стороны одной медали (парадоксы самоопределения культурологии) // Культура: традиции и современность. — Хабаровск, 1998. С. 8–13

2. Бляхер Л. Е. Эвристичность метафор // Политические исследования. 2003. № 5. С. 171–174.

3. Зиммель Г. Избранное. М., 1996. Т. 1. 671 с.

4. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.

5. Макормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 358–386.

6. Потанчук Е. Ю. Структурирование реальности в ситуации культурного кризиса: автореф. дис. ... канд. культурологии. Владивосток, 1999. 24 с.

7. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М., 1994. С. 416–434.

8. Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994

9. Pepper S. C. The Search for Comprehension, or World Hypotheses // Bobik J. (ed.) The Nature of Philosophical Inquiry. Notre Dame. 1970.

В. Н. Потемкина

Уфа

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ФИЛОСОФИЯ?

Г. Шпет высказал мысль, что философия начинается с особых «философских переживаний». Хайдеггер, отмечая специфику философских вопросов, видел их природу в том, что в них сам философствующий, спрашивающий ставится под знак вопроса. Он как бы кенотически умоляет себя. М. Мамардашвили выделил